

Н. Г. КУЗНЕЦОВА (Томск)

О КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Принято считать, что вид (аспект) как глагольная категория известен ограниченному числу языков, в которое не входят уральские. Так, из описания финно-угорских языков следует, что категория вида для них не характерна. Между тем почти во всех современных языках группы находятся аналоги русского будущего совершенного и несовершенного вида типа 'я напишу' и 'я буду писать'. Это значит, что языки создали видовые различия в футуральной сфере, хотя развить последовательную систему видовых противопоставлений им не удалось. Становление видовых оппозиций в финно-угорских языках связывают с иноязычным влиянием, исключая действие внутренних законов языкового развития. Например, влиянием русского языка объясняется появление видовых пар в удмуртском (Се-ребренников 1983 : 203—204, 199).

Исследования последнего десятилетия достаточно убедительно показали, что категория глагольного вида (аспекта) свойственна и одному из самодийских языков — селькупскому (Хелимский 1988 : 35). Прежде вид как грамматическая категория был описан в этом языке с иных позиций, чем в языках индоевропейских. Под видом в селькупском понимались дополнительные количественные и качественные характеристики действия, т.е. смешивалось понятие способа действия с понятием более общего порядка (Прокофьев 1935 : 58—63; Варковицкая 1947 : 55—170; Collinder 1969 : 466—467). Определенная ясность в вопрос была внесена авторами «Очерков по селькупскому языку», которые рассматривают селькупский вид как категорию, основанную на противопоставлении совершенного вида несовершенному, последовательно разграничивая аспектологические формы по уровню грамматической абстракции и степени грамматикализации (ОчСЯ 217—218).

Разграничение понятий «вид» и «способ действия» было огромным шагом вперед в исследованиях по русскому и другим славянским языкам. На этой основе были уточнены семантические границы аспектуальных явлений там, где представлена грамматическая категория вида (аспекта), выполнены углубленные описания способов действия (акциональности) в германских и романских языках, достигнуты определенные успехи в тюркологии (Балин и др., 1979; Насилов 1989). Таким образом, разграничение вида как отчетливо грамматикализованной категории, внутри которой различаются формы одного слова, и способа действия как явления лексико-грамматического порядка проявилось не только в более точном и четком определении объема данных понятий. Оно позволило расширить базу сопоставительной аспектологии (Маслов 1978). В то же время многие кардинальные

вопросы по-прежнему остаются нерешенными или требуют уточнения. До сих пор неясно, например, что считать типичной моделью видовых отношений — такое явление, как вид в русском и славянских языках (представленный несколькими различными моделями), или такое, как вид в английском (с противопоставлением форм *continuous* и «простых»), или же, наконец, вид как категорию предложения, существующую во многих языках помимо названных типов. Поэтому анализ данных малоизученных языков и их адекватная интерпретация могут оказаться полезными для развития соответствующей теории.

Вне сомнения, представленная в современном селькупском языке категория вида обладает значительным структурно-типологическим сходством с соответствующей категорией в русском (шире — славянских языках). В селькупском эта категория строится на противопоставлении основ одного аспектуального типа другому. Для языка характерна всеобщность видовой оппозиции, которая распространяется на все глаголы и глагольные формы. То или иное видовое значение облигаторно выражается в каждом акте употребления глаголов. Видовым значением обладает любой глагол независимо от того, является ли он парным или непарным. Замена одного вида другим всегда влечет за собой изменение смысла высказывания. При этом категориальные (системные) видовые значения характеризуются высокой степенью абстрактности, грамматической формальности (ср. о русском виде Бондарко 1990). Следовательно, селькупскому виду трудно отказать в грамматичности, поскольку он обладает важными свойствами грамматической категории, а именно тотальностью, оппозиционностью, универсальностью.

Категория глагольного вида в селькупском языке характеризует действие с точки зрения его развития во времени, но безотносительно к какой-либо точке отсчета (моменту речи, времени другого действия). В лексическом значении селькупского глагола вещественное, «призначное» значение сопряжено с таким, через которое первое представляется как процесс, движение (изменение) в определенном временном измерении. Каждое название процесса в языке обязательно сопровождается точным представлением о длительности, иначе говоря, всегда указывается, какой временной промежуток входит в структуру глагольного значения. Глагольное действие может быть непрерывным, бесконечно продолжающимся или недлительным, мгновенным, единичным или повторяющимся. Эти значения характеризуют протекание действия во времени и позволяют разделить все селькупские глаголы на перфективные (совершенного вида) и имперфективные (несовершенного вида). Основным признаком, по которому глаголы двух видов противопоставляются в селькупском друг другу, можно считать наличие / отсутствие у глаголов значения ограниченности в развитии действия. Аналогичную характеристику давали и виду русского глагола (Фортунатов 1910 : 17). Однако в работах современных исследователей русского языка значение видов определяется и по-иному. Например, выраженное глаголом действие, представляемое в его неделимой целостности, мыслится как совершенный вид, без указания на целостность — как несовершенный (Бондарко, Буланин 1967 : 75). Определение совершенного вида на основе неделимой целостности действия согласуется с определением, базирующимся на признаке ограниченности действия пределом (Бондарко 1990 : 7). Схожее понимание вида можно найти и в работах по тюркским языкам. В тюркологии аспект трактуется как «анализирующая категория», дающая «перспективу на действие», т.е. представление последнего в его процессе (им-

перфективность) или же в его целостности (перфективность) (Грунина 1975; Кузнецов 1968).

В синтагматике у селькупских имперфективных и перфективных глаголов могут возникать дополнительные оттенки видовых значений, подчиненные основным значениям глагольных видов. Для глаголов совершенного вида это значения мгновенности, однократности действия, для глаголов несовершенного вида — повторяемости или длительности. В то же время все основы несовершенного вида, производные и производные с суффиксами многократности, повторности, обычности, состояния и т.п., способны передавать в рамках презенса (абсолютная форма) настоящее актуальное узкого плана, получая равнозначную видовую характеристику (ср. Кошмидер 1962 : 127; Гальцова 1993 : 7).

Видовое значение селькупских основ может устанавливаться с опорой на критерии, из которых первые два носят абсолютный характер (ср. о болгарском Маслов 1963 : 13):

- 1) парадигматические, т.е. указывающие на различие между глаголами двух видов в семантике парадигматических форм, включая причастия и деепричастия;
- 2) синтагматические, указывающие на способность глагольных форм выступать в определенных типах словосочетаний;
- 3) формальные, связанные с тем, что подавляющее большинство словообразующих суффиксов занято в деривации глаголов определенного вида.

На основании этих критериев выводятся признаки видовой принадлежности глагольных основ. Так, основа имеет значение несовершенного вида, если с помощью $(*)-[n]t\lambda j$ от нее образуются причастия совершающегося действия, а посредством $(*)-l\ddot{a}$ — деепричастия одновременности; финитные формы выступают в конкретном процессном значении; инфинитные формы (простое деепричастие, инфинитив) сочетаются с фазовыми глаголами, а все инфинитные и финитные формы — с обстоятельством, передающими непрерывность или длительность. Основа имеет значение совершенного вида, если она не присоединяет $(*)-[n]t\lambda j$ и $(*)-l\ddot{a}$ (таз.) или же посредством $(*)-[n]t\lambda j$ от нее образуются причастия (недавно) совершившегося действия, а с помощью $(*)-l\ddot{a}$ — деепричастия предшествования (южн.); финитные формы способны обозначать разовое, однократное действие; финитные и инфинитные формы могут сопровождаться обстоятельством, передающими мгновенность.

Хотя основы селькупских производных глаголов обозначают действие в его наиболее общем смысле, т.е. не содержат никаких указаний на количественные характеристики, они тем не менее не могут приобретать потенциальное значение любого вида, как, например, в тюркских языках, а всегда передают определенное видовое значение. При наличии у производных глаголов четко выраженного значения вида видовая характеристика может даваться им исходя из семантики действия. Различия в семантике глагольной процессуальности как в связи с предельностью / неопределенностью, так и не только с ней учитывались, например, при описании вида в славянских языках (Бондарко, Буланин 1967; Авилова 1976; Thelin 1978; Шелякин 1983; Мелиг 1985; Гиро-Вебер 1990). Из производных селькупских глаголов (южн.) к несовершенному виду относятся:

- а) глаголы статического, непроцессуального состояния субъекта, действие которых может быть названо таковыми лишь условно; глаголы динамического состояния, «которое протекает, но не приводит ни к какому результату»

(Авилова 1976 : 79): *amtiku, amdigu, abdigu* 'сидеть' (одуш.) / стоять (нео-душ.); *ippigu, eppigu* 'лежать'; *loḡigu, loḡigu* 'торчать, быть воткнутым'; *kikḡigu, kigḡigu* 'хотеть, любить'; *etigu, adigu* 'ждать, надеяться'; *ḡondigu, ḡoddigu* 'спать'; *aḡugu, adigu* 'виднеться, быть на виду'; *ündigu, üddigu* 'слышаться, быть слышным'; *ēku, ēgu, ēgu* 'быть, иметься'; *t'angḡigu, čangḡigu* 'отсутствовать' и т.п.;

б) активные процессуальные глаголы, «передающие действие, не стремящееся ни к какому пределу» (Авилова 1976 : 16). Из них подавляющее большинство составляют непереходные глаголы ненаправленного движения типа *čāčḡiku, čāžḡigu* 'идти, шагать'; *laḡigu, laḡigu* 'двигаться, шевелиться, работать'; *nešḡigu, nažəgu, nāšḡigu* 'кататься, катиться'; *kukḡigu, kugḡigu* 'качаться'; *kōdḡigu, kojagu, kōšḡigu* 'ходить'; *pal'duku, pal'žugu, pal'ciku* 'ходить, гулять'; *čiči-gu* 'плыть против течения'; *peñ'ciku, peñ'žigu* 'плыть по течению'; *tūgu* 'грести'; *pūgu* 'дуть'; *ūgu* 'купаться, плавать' и т.п. Переходные глаголы представлены лексемами с таким пределом, достижение которого проблематично, например, *nōgu* 'гнать зверя', *pēgu* 'искать'.

Группа суффиксальных производных глаголов несовершенного вида включает:

а) отыменные дериваты со значением 'заниматься какой-либо деятельностью, направленной на получение X', 'заниматься какой-либо деятельностью, используя X', действие которых замкнуто в сфере субъекта: *ponḡir(i)gu, pog-gir(i)gu, poḡirgu, poḡḡirku* 'ловить рыбу сетью' (*ponḡi, poggi, poḡḡ(i)* 'сеть'), *ḡβiljḡsu, ḡβelijgu, ḡβelesku* 'рыбачить, ловить рыбу' (*ḡβel, ḡβil(i)* 'рыба'), *tūl'dečḡugu, tūl'dečḡugu* 'охотиться с ружьем' (*tūl'de* 'ружье'), *kañzačḡugu* 'курить трубку' (*kañza* 'трубка' — подробнее: Кузнецова 1990а : 49).

Три рассмотренные группы селькупских имперфективных глаголов полностью укладываются в класс адинамичных, которые передают действие или состояние с неизвестным заранее результатом. Ситуации, обозначаемые адинамичными глаголами, не вызывают изменения и не предполагают постепенности (Гиро-Вебер 1990 : 105).

б) отглагольные глаголы переходного и непереходного повторяющегося действия; отглагольные глаголы состояния субъекта и характеристические (ОЧСЯ 218—223; Кузнецова 1987 : 81). Их функциональной особенностью является способность передавать формой настоящего абсолютного и значение будущего времени. В последнем случае деривационные суффиксы выражают не акциональность, а выступают показателями футурума при непроизводной основе, сохраняющей свою видовую отнесенность: тым. *ḡorḡ poḡop kone taḡkəlgət ḡβəlam amgət* 'медведь сеть вытащит, рыбу съест' (*taḡkəlgəgu* 'вытаскивать' < *taḡkəlgu* 'вытащить'; *amgəgu* 'ест' < *amgu* 'съесть'); нар. *pārgotə inne umdešpa leḡarstβap mādəgu nadə* 'живот его вздуется, лекарство пить надо' (*inne umdešpəgu* 'сдуваться' < *inne umdəgu* 'вздуться'); об. *mat pārgem inne βačət'imba ötḡugu nado leḡarstβap* 'мой живот вздуется, пить надо лекарство' (*inne βačət'imβigu* 'вздуться' < *inne βačət'igu* 'вздуться'); кет. *taḡnannj ḡajñ assj čanšḡikuḡ* 'из этого ничего не выйдет' (*čanšḡ(k)kuḡ* 'выходить' < *čanšḡigu* 'выйти'); вас. *amba pol mažəgu ḡenba mižnut ḡendḡikuk* 'мать дрова рубить пойдет, нас с собой возьмет' (*ḡenβigu* 'ходить' < *ḡengu* 'пойти, уйти', *ḡendḡikuḡ* 'брат' < *ḡendḡigu* 'взять').

Непроизводными перфективными являются:

а) глаголы становления состояния субъекта, изменения состояния субъекта или изменения его положения в пространстве: *ḡūgu* 'умереть'; *tḡigu, βešḡigu, βaž(ə)gu* 'взлететь, подняться'; *tūgu, tōgu* 'прийти'; *sērgu, šērgu* 'войти'; *miḡigu,*

medəgu 'подойти'; *müsiḡu*, *mužəgu* 'свариться, поспеть'; *künjigu* 'сбежать'; *čarugu* 'выскочить'; *čanžigu*, *čažžigu* 'выйти'; *ķβəngu*, *ķβangu*, *ķβəngu* 'отправиться, пойти'; *nünjigu* 'устать'; *omdigu*, *obdigu*, *umdigu* 'сесть'; *patku* 'залезть'; *pūgu* 'переплыть через реку, переправиться'; *utiku* 'остановиться'; *tūgu*, *ķigu*, *čigu* 'растаять' и т.п.

б) абсолютное большинство переходных глаголов, действие которых связано с непосредственным воздействием на объект: *amgu* 'съесть'; *iḡu* 'взять'; *ķōḡu* 'найти, обнаружить'; *mēgu* 'сделать'; *migu*, *megu* 'дать'; *nūḡu*, *nōḡu* 'открыть дверь'; *ķβetku*, *ķbatku*, *ķβetku* 'убить'; *taḡḡu* 'зарыть'; *pitku*, *petku* 'смять'; *mačigu*, *mažigu* 'отрезать'; *paḡḡu* 'зарыть'; *pəngu*, *pəngu*, *pəngu* 'положить'; *piččiku* 'постричь'; *potku* 'сварить'; *tikkigu*, *čikkigu* 'развязать, распрячь' и т.п.

Суффиксальные дериваты совершенного вида представлены

а) отыменными глаголами становления качества или состояния субъекта: *iramgu*, *āramgu* 'состариться' (*ira*, *āra* 'старик'); *βarḡamgu* 'увеличиться' (*βarḡ(i)* 'большой'); *siḡgu*, *hiḡgu* 'заржаветь' (*si*, *hi* 'ржавчина'); *nūsijygu*, *nūsigggu* 'стать хозяином' (*nūsij* 'хозяин'); *narḡizygu*, *narḡiskgu* 'покраснеть' (*narḡ(i)* 'красный'); *saḡilamgu* 'ослепнуть' (*saḡ* 'глаз');

б) фактивными отыменными глаголами: *sakjtku*, *šakjtku*, *šajjtku* 'посолить' (*sak*, *šak* 'соль'); *ulyo-ptuku* 'покрыть льдом' (*ulyo* 'лед' — подробнее: Кузнецова 1990а).

в) отглагольными глаголами, передающими интенсивность, мгновенность, начинательность как становление состояния и т.п. (о суффиксах: ОчСЯ 223—228; Кузнецова 1987 : 81).

г) переходными глаголами, которые образуются преимущественно от перфективных основ (о суффиксах: Кузнецова 1992).

Селькупские глаголы совершенного вида (прежде всего непроизводные) могут быть отнесены к динамично-моментальным. Такие глаголы обозначают действия, нацеленные на изменения, но сами действия нельзя наблюдать в развитии, они не развертываются во времени. Динамично-моментальные глаголы образуют предикаты мгновенного осуществления (Булыгина 1982; 1983; Гиро-Вебер 1990 : 106). В синтагматике формы презенса I и претерита от таких селькупских глаголов часто синонимичны (Гальцова 1993 : 7). Динамично-постепенные глаголы, обозначающие ситуации, которые подвигаются к своему пределу (Гиро-Вебер 1990 : 106), по-видимому, прежде для селькупского языка не были характерны. Процессуальность, постепенность исконно передавалась в нем при помощи аналитических конструкций с соответствующими фазовыми глаголами (Воеводина 1974). У суффиксальных основ процессуально-постепенное значение сформировалось позднее в рамках стативного и/или итеративного.

Особое место по отношению к виду занимает группа производных глаголов состояния на *(*)-(m)pə-*, семантика которых заключается в диапазоне дуративность / стативность (нерезультативная, результативная) / результативность (ОчСЯ 210; Неделков, Яхонтов 1983 : 12—17; Кузнецова 1985 : 36—37). Если установление видового значения дуративных и стативных глаголов не вызывает затруднения, они относятся к несовершенному виду, как и непроизводные глаголы состояния, то с субъектными и объектными результатами (= пассивные глаголы) дело обстоит сложнее. С одной стороны, они сохраняют значение вида производящей основы и имеют в формах настоящего абсолютного значение интранзитивного перфекта, указывая при этом на законченность, исчерпанность действия. С другой

стороны, такие глаголы передают значение состояния как некоторой длительности (о видовом значении интранзитивного перфекта: Маслов 1983 : 43). Обращение к критериям видовой отнесенности подтверждает двойственное положение результативных глаголов по отношению к виду: они не образуют причастий совершающегося действия, но способны сочетаться с наречиями длительности: *mata kundī nūmbīs* 'дверь долго была открыта' (Кузнецова 1990б : 44). В принципе все глаголы на $(*)-(m)pa-$ могут быть признаны перфектными (перфект результативный, перфект продолженный). Перфектная основа функционирует в селькупском языке на уровне словообразования (глаголы состояния), формообразования (причастия (в основном) прошедшего времени) и словоизменения (перфект, преобразующийся в претерит). На общность происхождения словообразующего суффикса, маркера времени и начального компонента показателя причастной формы указывает отсутствие в южных диалектах временных и партиципиальных образований с редупликацией $(*)-(m)pa-$ (Кузнецова 1992 : 292). Ситуация сопоставима с предполагаемой для общетюркского, в котором древние синкретичные аффиксы на дотемпоральном этапе функционирования глагольных имен сочетали три функции — глагольного словообразования, формообразования и древнего залога (Грунина 1976 : 21).

Из дериватов, образованных по моделям конверсии, несовершенного вида глаголы статического или динамического состояния; безличные глаголы, передающие процессы-состояния вне субъекта; глаголы со значением 'заниматься какой-либо деятельностью, используя X', например, *ḡōdīgu*, *ḡūdīgu* 'болеть' (*ḡōdī*, *ḡūdī* 'болезнь'), *čūzagu*, *kūšīgu* 'болеть (о какой-либо части тела)' (*čūza*, *kūssu* 'боль'), *tassugu* 'быть морозу' (*tassu* 'мороз'), *serrogu* 'идти дождю' (*serro* 'дождь'), *mergīgu* 'дуть ветру' (*mergī(t)* 'ветер'), *tapsugu*, *čapsugu* 'жарить на вертеле' (*tapsu*, *čapsu* 'вертел'). К бессуффиксальным отыменным дериватам совершенного вида относятся глаголы становления состояния, а также переходные, например, *tīrīgu* 'наполнить(ся)' (*tīri* 'полный'), *sarīgu* 'завязать' (*sari* 'узел') и т.п.

Образование возвратных глаголов происходит без смены видового значения производящей основы: *nūgugu* 'открыться' (*nūgu* 'открыть'), *panalīgu* 'сломаться' (*panalgu* 'сломать'), *menəḡdīgu* 'согнуться' (*menəgu* 'согнуть(ся)') — подробнее: Кузнецова 1992 : 288—290). Видовое значение связанных основ, как и производных, в абсолютном большинстве случаев определяется грамматическим значением суффиксов, входящих в их структуру (Кузнецова 1990б : 45). Двухвидовых (вневидовых) глаголов в селькупском языке практически нет, хотя для небольшой группы характерны колебания в передаче видового значения (прежде всего типа 'быть' ~ 'стать').

Двучленное видовое противопоставление реализуется в селькупском языке в видовых парах. Основными способами их образования являются имперфективация и перфективация. Имперфективация, или образование видового коррелята к основе совершенного вида, отличается в языке регулярностью, единообразием и полным, устойчивым тождеством лексических значений в абсолютном большинстве видовых пар. В качестве универсальных показателей имперфективации на синхронном срезе могут быть признаны тым., нар. $-(e-)špa-$, кет. $-(k)ku-$. Способом имперфективации видовые пары образуют все переходные глаголы, как непроизводные, так и производные; собственно непереходные, включая отыменные суффиксальные дериваты становления качества или состояния; возвратные (возвратно-пассивные), производные от переходных или непереходных. Таким образом им-

перфективация касается практически всех глаголов совершенного вида, кроме отглагольных с суффиксами результативной семантики. Перфективация, или образование видовых пар к основе несовершенного вида, не отличается в селькупском языке единообразием средств выражения. Ее показатели могут вносить в глагольную основу дополнительные значения начинательности, однократности (становления или его исчерпанности), т.е. одновременно передают и акциональные значения. Поэтому не все видовые пары, образованные способом перфективации, могут быть признаны видовыми в полном смысле этого слова. Перфективация распространяется на переходные и непереходные активные глаголы, глаголы слова и звука, часть стативных (корреляты со значением становления состояния: *mūdjigu* 'лгать' — *mutte-lgu* 'залагать', *gttjigu* 'висеть' — *gtte-l'djigu* 'повиснуть', *lakjigu* 'двигаться' — *lakko-l'djigu* 'сдвинуться, тронуться'); на отыменные дериваты со значением 'заниматься какой-либо деятельностью, направленной на получение X' и отглагольные характеризационные глаголы (корреляты со значением исчерпанности состояния: *kβelijgu* 'ловить рыбу, рыбачить' — *kβelil'djigu* 'отловить рыбу, отрыбачить', *aβjigu* 'кушать, питаться' — *aβjirl'djigu* 'наестся, перестать есть'). Видовые пары могут быть образованы и от супpletивных основ: *pēgu* 'искать' — *kōgu* 'найти', *amdjigu* 'сидеть' — *omdjigu, umdjigu* 'сесть'. Однако этот способ распространения не получил. Следовательно, в русском и селькупском (южн.) языках наблюдается определенное сходство в образовании видовых пар как по распространению типовых моделей (имперфективация преобладает над перфективацией и супpletивизмом), так и по результатам этих процессов (результаты имперфективации по сравнению с перфективацией регулярны).

Не все глаголы в селькупском языке, как и в русском, имеют видовые корреляты. Непарными несовершенного вида остается в селькупском часть производных глаголов состояния. Глаголы такой семантики могут быть одинаковыми и в русском языке. Из производных одновидовые имперфективные представлены дуративными, передающими состояние как длительность, и итеративными от основ несовершенного вида. Одновидовые совершенного вида — это дериваты от перфективных глаголов, содержащие в основе суффиксы мгновенности, однократности, начинательности. У итеративных глаголов, образованных от перфективных основ, и результативных от основ несовершенного вида в качестве видовых коррелятов могут рассматриваться соответствующие производные глаголы. В основе «непарности» второго рода лежит, по-видимому, несочетаемость суффиксов с противоположным значением, которая характерна и для других самодийских языков (ср. о нганасанском языке Терещенко 1979 : 248).

Одновидовые или «непарные» глаголы, неполное лексическое тождество коррелятов в части видовых пар, образованных способом перфективации, при фиксированном видовом значении в каждой глагольной основе известны и русскому языку. Все это отражает асимметрию содержательной и выразительной сторон категории вида, заставляет исследователей искать компромиссный подход к выделению последней (ср. предложенную А. В. Бондарко трактовку категории вида в русском языке как категории с непоследовательно коррелятивным формообразованием — 1976 : 10).

При том, что в южных диалектах селькупского языка противопоставления в видовых парах, особенно способом имперфективации, реализуются регулярно, в формировании таких пар по диалектам заняты разные суффиксы. Кроме того, превращение последних в универсальные показатели

процесса завершилось относительно недавно. Если тым., нар., об. $-(e\cdot)\check{s}pa-$, восходящий к суффиксу состояния, уже полностью соответствует показателю такого рода, он присоединяется только к основам совершенного вида и не имеет дополнительной акциональной семантики, то кет. $-(k)ku-$ еще сохраняет способность оформлять имперфективные основы, придавая им значение повторности, многократности. Не работает в полном объеме и формально-грамматический критерий, предложенный авторами «Очерков» для отграничения основ одного вида от другого: способность глаголов несовершенного вида образовывать причастия настоящего времени (= совершающегося действия) на $-(n)tyl'$ в противоположность глаголам совершенного вида, которые такой способностью не обладают (ОчСЯ 210). В южных диалектах имеет место образование причастий с названным суффиксом от основ обоих видов, от имперфективных — совершающегося действия, от перфективных — (недавно) совершившегося действия, хотя последние широкого распространения не получили. Причастия на $(*)-(n)t\check{l}aj$ от основ совершенного вида сравнительно недавно были известны и диалектам северного ареала (Castrén—Lehtisalo 1960 : 24, 115, 78, 103 и т.д.). Одновременно видовая отнесенность селькупской глагольной основы определяет семантику времен, наклонений, причастий, деепричастий и т.п., что свидетельствует о первичности аспектуальной характеристики по отношению к значениям, передаваемым морфологическим способом. При этом современные данные абсолютно совпадают с данными письменных источников прошлого века. Таким образом, если признавать формальное противопоставление не основным конституирующим признаком видовой системы, а лишь средством наглядного обнаружения ее характеристик (Жирмунский 1958 : 49—50), можно сказать, что исходно категория селькупского вида отражала наличие в языке определенных видовых классов. Но для выделения категории вида в современном понимании одинаково важны и семантическая и формальная стороны. Семантика выступает основой разграничения аспектологических явлений, а классификация выделенного конкретного содержания в отношении категориальной принадлежности основывается уже на формальных моментах.

Анализ видового значения глаголов селькупского языка (южн.) позволяет выявить заслуживающую внимания закономерность. Она состоит в следующем:

- а) у непроизводных глаголов, основа которых может использоваться для передачи и непереходного и переходного значения, переходность всегда является перфективной, например, *ettigu* 'висеть, повесить', *čoččigu* 'стоять, поставить', *ḡondjigu* 'усыпить, спать' (аналогично ОчСЯ 212);
- б) переходные глаголы, как непроизводные, так и производные, за исключением основ с суффиксами итеративности, узуальности, собственно имперфективности и малой части дериватов от непереходных основ несовершенного вида, не способны представлять действие как процесс;
- в) в случае образования переходных глаголов от непереходных имперфективных при возможном сохранении в деривате видового значения производящей основы нередко имеет место замена несовершенного вида на совершенный: *čāžjigu* 'идти' — *čaža-ptjiku* 'выпустить, пропустить', *aṭjigu* 'виднеться' — *adalžjigu* 'показать'.

Следовательно, в селькупском языке прослеживается определенная связь переходности глагольного действия с его законченностью, исполненностью. Это явление в языке может быть связано со способностью интранзитивных

глаголов оформляться показателями объектного спряжения, отмечающими направленность действия на определенный объект. Использование объектного спряжения для выражения законченности, исполненности действия имеет место из языков уральской семьи также в мордовском (круг языков для сопоставления ограничен распространением двух типов спряжения — Майтинская 1966 : 20; Феоктистов 1966 : 186). Б. А. Серебренников объясняет названное явление в мордовском тем, что показатели объектного спряжения первоначально зародились в сфере прошедшего времени, а оно, по мнению ученого, передавало в древние эпохи преимущественно результат (1968 : 32). С другой стороны, в селькупском как будто намечается и связь непереходности действия с имперфективностью. Процесс образования глаголов несовершенного вида (характеризационных, дуративных, собственно имперфективных) от переходных может сопровождаться интранзитивизацией (ОчСЯ 211, 232—233; Кузнецова 1987 : 201—202). Интерес в этом плане представляет, например, тот факт, что сам **r*, продолжением которого выступает селькупский суффикс характеризационных глаголов (*amjrkō*, *afjrgu* 'кушать, питаться' < *amkō*, *amgu* 'съесть'), если исходить из данных других самодийских языков, не выполнял в прасамодийском интранзитивизирующей функции (Janhunen 1977 : 16; ср. Lehtisalo 1936 : 187—191). Развитие залогового значения типа возвратного на базе итеративного имеет место во многих языках мира и может распространяться на самодийские (Серебренников 1974 : 217—219; ср. энецкий — Сорокина 1990 : 50). Так проявляется связь селькупского вида с диатезой: переходность объединяется с перфективностью, а непереходность может быть и процессуальной и результативной.

Обнаружение глубинной связи между видом и диатезой в селькупском языке позволяет продолжить сопоставление русского (славянского) вида с селькупским уже в плане диахронии. Связь видового значения с диатезой прослеживается на материале балтийских (литовский) и славянских (русский) языков. Если каждому глаголу совершенного вида в современном русском языке может быть поставлен в пару глагол несовершенного вида (того же корня или супплетивный), то почти все литовские переходные глаголы соотносимы с однокоренными непереходными. При этом сопоставление новейших классов глаголов (классы — Степанов 1975а; 1975б) в обоих языках показывает, что они гомоморфны по форме, хотя различны по семантическим категориям. В литовском это диатеза с сопутствующими признаками вида, в русском — вид с сопутствующими признаками диатезы. Однако по мере продвижения вглубь от актуального продуктивного класса к непродуктивному сопутствующие семантические признаки повышаются в ранге. В последних, исторически древнейших классах, диатеза и вид оказываются полностью взаимосвязанными как в одном, так и в другом языке. Тем самым доказывается, что балтийские противопоставления диатезы и залогов и славянские противопоставления видов имеют общий источник — некоторые постоянные корреляции между видом и диатезой, существовавшие в протобалтославянском и составлявшие там элементы достаточно устойчивой системы «вид-диатеза». Соответственно балтийские диатезы (каузативная, переходная, против непереходной) и славянские виды (первоначально длительный против недлительного «аористичного», далее несовершенный против совершенного) имеют единое происхождение.

Предполагают, что семантические признаки переходности-непереходности (диатеза) и длительности-недлительности (вид) могли комбинирова-

тся в некоторые типичные пучки и в индоевропейском. Из них для славянских языков наиболее типичными оказались два: а) переходность + длительный вид (который может быть ограничен пределом) и б) непереходность + недлительный вид. Оппозиция диатез признается для индоевропейского состояния магистральной: она восходит к противопоставлению двух типов протоиндоевропейского предложения — неактивного и активного. В то же время оппозиция видов является скорее результатом «поднятия в ранге» и грамматикализации первоначально лишь сопутствующих диатезам видовых признаков (Степанов 1989 : 177—180).

Предваряя результаты, к которым можно будет прийти при детальном рассмотрении категории селькупского вида с привлечением данных других самодийских языков, сформулируем положения, представляющиеся нам важными при достигнутом уровне изученности селькупского и самодийского глагола:

1) селькупский вид как категория, построенная на формальном противопоставлении совершенного вида несовершенному, явление относительно новое: суффиксы, занятые в регулярном образовании видовых пар способом имперфективации, различаются по диалектам и находятся на разном уровне грамматикализации:

2) в то же время в основе формирования морфологической категории вида лежит древнее закрепление за конкретными основами определенного значения временной длительности, на синхронном срезе оценивающееся как видовое: значения всех грамматических форм глагола (времени, наклонения, инфинитных) «накладываются» на видовое значение производящей основы:

3) в древнем лексическом слое (непроизводные глаголы) прослеживается отчетливая связь глагольного вида с диатезой: переходность глагольного действия объединяется с перфективностью, а непереходность может быть и перфективной и имперфективной:

4) при значительном структурно-типологическом сходстве селькупского вида с соответствующей категорией в русском можно с достаточной уверенностью утверждать, что формирование видовых классов селькупского глагола не связано с влиянием русского языка: типичное для селькупского соотношение значений в рамках корреляции «вид-диатеза» отличается от типичных соотношений, лежащих в основе формирования славянских видов. Таким образом становление селькупского вида, очевидно, связано с внутренними законами языкового развития. Для их определения представляется перспективным детальное изучение организации селькупского или (шире) уральского предложения.

Сокращения

Диалекты селькупского языка: **вас.** — васюганский, **нар.** — нарымский, **кет.** — кетский, **тым.** — тымский, **об.** — обский; **южн.** — южная группа;

ОчСЯ — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, Москва 1980.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Н. С. 1976, Вид глагола и семантика глагольного слова, Москва.
- Балин Б. М. и др. 1979, Сравнительная аспектология русского и немецкого языков I, Калинин.
- Бондарко А. В. 1976, Теория морфологических категорий, Ленинград.
— 1990, О значениях видов русского глагола. — ВЯ № 4, 5—24.
- Бондарко А. В., Буланин Л. Л. 1967, Русский глагол, Ленинград.
- Булыгина Т. В. 1982, К построению типологии предикатов в русском языке. — Семантические типы предикатов, Москва, 7—85.
— 1983, Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания. — Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках, Москва, 20—39.
- Варковича Л. А. 1947, Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). Канд. дисс., Москва (рукопись).
- Воеводина Н. М. 1974, Аналитические глагольные конструкции в селькупском языке (деепричастие + вспомогательный глагол). Канд. дисс., Новосибирск (рукопись).
- Гальцова Н. П. 1993, Морфологические средства выражения темпоральных отношений в селькупском языке (на материале тымского диалекта). Автореф. канд. дисс., Новосибирск.
- Гиро-Вебер М. 1990, Вид и семантика русского глагола. — ВЯ № 2, 102—112.
- Грунина Э. А. 1975, Индикатив в турецком языке. В сравнительно-историческом освещении. Автореф. дисс., Москва.
— 1976, К истории семантического развития перфекта на *miş*. — Советская тюркология, № 1, 12—26.
- Жирмунский В. М. 1958, О синхронии и диахронии в языкознании. — ВЯ № 5, 43—52.
- Кошмидер Э. 1962, Очерки науки о видах польского глагола. Опыт синтеза. — Вопросы глагольного вида, Москва, 105—187.
- Кузнецов П. И. 1968, Категория вида в турецком языке: Видовые разряды. — Иностранные языки. Сборник статей, № 4, Москва, 100—110.
- Кузнецова Н. Г. 1985, Значение показателей *-mpV-*, *-pV-* в селькупском языке. — Структура самодийских и енисейских языков, Томск, 36—42.
— 1987, Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка. Канд. дисс., Томск (рукопись).
— 1990а, Суффиксы отыменной глагольной деривации в диалектах селькупского языка. — LU XXVI, 43—56.
— 1990б, Видовое значение глаголов в кетском диалекте селькупского языка. Лексика и грамматика агглютинативных языков, Барнаул, 40—46.
— 1992, Селькупские суффиксы залоговой семантики. — LU XXVIII, 280—293.
- Майтинская К. Е. 1966, Финно-угорские языки. Введение. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 9—25.
- Маслов Ю. С. 1963, Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке, Москва—Ленинград.
— 1978, К основаниям сопоставительной аспектологии. — Вопросы сопоставительной аспектологии I, Ленинград, 4—44.
— 1983, Результатив, перфект и глагольный вид. — Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект), Ленинград, 41—53.
- Мелиг Х. Р. 1985, Семантика предложения и семантика вида в русском языке. К классификации глаголов Зино Вендлера. — Новое в зарубежной лингвистике XV, 227—249.
- Насилов Д. М. 1989, Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность, Ленинград.
- Недялков В. П., Яхонтов С. Е. 1983, Типология результативных конструкций. — Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект), Ленинград, 5—40.
- Прокофьев Г. Н. 1935, Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика, Ленинград.
- Серебрянников Б. А. 1968, К проблеме происхождения форм объектного спряжения в уральских языках. — ВЯ № 5, 22—38.

- 1974, Вероятные обоснования в компаративистике, Москва.
- 1983, О материалистическом подходе к явлениям языка, Москва.
- Сорокина И. П. 1990, Выражение глагольной множественности в энецком языке. — Лексика и грамматика агглютинативных языков, Барнаул, 47—55.
- Степанов Ю. С. 1975а. Методы и принципы современной лингвистики, Москва.
- 1975б, Категории вида и залога в балтославянских языках. Проблема общего генезиса и реконструкции. — III Всесоюзная конференция по балтийскому языкознанию. Тезисы докладов, Вильнюс.
- 1989, Индоевропейское предложение, Москва.
- Терещенко Н. М. 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
- Феоктистов А. П. 1966, Эрзянский язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 177—198.
- Фортунатов Ф. Ф. 1910, Отчет Отделения русского языка и словесности АН за 1910 г.
- Хелимский Е. А. 1988, Историческая и описательная диалектология самодийских языков. Автореф. докт. дисс., Тарту.
- Шелякин М. А. 1983, Категория вида и способы действия русского глагола, Tallinn.
- Castrén, M. A., Lehtisalo, T. 1960, Samojedische Sprachmaterialien, Helsinki (MSFOu CXXII).
- Collinder, B. 1969, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm.
- Janhunen, J. 1977, Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien, Helsinki (Castrenianumin toimiteita 17).
- Lehtisalo, T. 1936, Über die primären uralischen Ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).
- Theilin, N. 1978, Towards a Theory of Aspect, Tense and Actionality in Slavic, Uppsala.

N. G. KUZNECOVA (Tomsk)

ÜBER DIE KATEGORIE DES ASPEKTS IM SÖLKUPISCHEN

Die morphologische Kategorie des Aspekts, die auf der Gegenüberstellung von perfektiven Verben (Verbalform) und durativen Verben basiert, scheint in der sölкупischen Sprache recht jung zu sein. Die am Imperfektivierungsprozeß beteiligten Derivationsuffixe sind in den südlichen Dialekten unterschiedlich. Doch als Grundlage für die kategoriale Entwicklung des sölкупischen Aspekts diente die schon frühzeitig entstandene streng determinierte Bedeutung absoluter zeitlicher Ausdehnung der Handlung. In der Synchronie kann diese Bedeutung als aspektual eingeschätzt werden. Die Bedeutung aller grammatischen Formen (zeitliche, modale, infinite) wird im Sölкупischen der aspektualen Bedeutung des Stammes hinzugefügt. In der ältesten Schicht nichtsuffixierter Verben kommt deutlich ein enger Zusammenhang zwischen Aspekt und Diathese zum Ausdruck. Die Transitivität des Verbs ist immer perfektiv, dagegen die Intransitivität kann sowohl perfektiv als auch durativ sein.